

Глава 18

ЧЕРЕЗ БОЙ – К ПРАВДЕ

Я всегда боялся этого человека. Боялся его ядовитых временами слов, пытаюсь иногда встречать их боем, иногда, из самозащиты – наносить упреждающий удар. Думал, как бы найти в нём хоть маленькую, но слабость, и сделать эту слабость орудием мести – и много других трусливых, недостойных мыслей.

Четыреста лет назад, когда мы оказались в отношениях господина и слуги – самых близких из всех возможных отношений – между нами изначально пролегла тёмная пропасть. Я внутренне протестовал – и боялся, потому что он, проиграв и погибнув во время смуты Отатэ, стал мстительным духом из ненависти к нам, победителям, среди которых я был одним из заводил. Совесть тревожила меня, словно я сам лично причинил ему вред – в этом и крылся корень моего страха.

А он со своей стороны, естественным образом, считал меня виноватым. Чтобы защититься, я выискивал всякие оправдания, пытался убедить себя, что всё произошло, как надо. Мол, война была необходима. Без его смерти никак было не обойтись. Но, чем больше я оправдывался, тем больше мне начинало казаться, что правда – не на моей стороне. Войну развязали мы, в одностороннем порядке. Наверняка можно было придумать, как сохранить ему жизнь – не поленились ли мы поискать способ, прикрываясь обычаями жестокой эпохи? Так, постепенно я начал думать, что у него есть право меня обвинять, что все эти внезапные, режущие слова, которые он время от времени швырял мне в лицо – его возмездие. Мне казалось – и я цепенел от этой мысли – будто он видит меня насквозь со всеми моими угрызениями.

Прошло десять, двадцать лет, и его ненависть, заикленность на тех событиях – поутихли. Во мне же глубоко укоренился комплекс палача. Я не мог расслабиться, постоянно его в чём-то подозревал, и в конце концов этой подозрительностью начал причинять ему боль.

С течением времени я стал неплохо понимать его характер. Он был из тех, кто умеет видеть истинную природу человека; за красивыми лозунгами, которыми изобилует мир, замечать и изобличать расчёт и трусость – и прочие тёмные, коварные, постыдные людские чувства. Я упивался восторгом, наблюдая, как он это делает с другими – и каменел от ужаса, когда он это делал со мной.

Так я и жил в страхе перед этим особым, только ему присущим ядом, при помощи которого, я считал, он меня наказывает – жил долгие годы, даже после того, как понял: яд – не месть, и предназначен не мне, а всем людям вообще.

Мне казалось, что он читает в моём сердце, как в раскрытой книге, и это было невыносимо. Я чувствовал себя голым под его взглядом, чувствовал себя посмешищем.

Я не мог обезвредить, как полагается зрелому человеку, едкие слова, не мог и презрительно отмахнуться от них – поэтому каждый раз, хлебнув яду, впадал в горячку. Способность отгородиться стеной – вот был весь мой иммунитет. И почему-то в том, что он говорил, я не слышал фальши. Не знаю, как для других, но для меня его слова были истиной.

Я возненавидел его – при этом глубоко восхищаясь тем, как он живёт.

Он замечал чужое притворство, потому что сам притворялся – и знал это. Шипы были нужны ему для защиты: он боялся. Я ясно видел, как он изо всех сил сражается с собственным хрупким и коварным сердцем – это и держало меня рядом. Я резонировал с ним, и, наблюдая, как он страдает, но продолжает наращивать силу – мечтал быть таким, как он.

В то же самое время я не переставал ненавидеть его взгляд, срывающий с меня все покровы, жил в страхе перед этим взглядом и в постоянной глубокой тревоге. А он, бывало, посмеявшись надо мной вдоволь, окатив волной искущённого презрения – вдруг закрывал глаза и расслаблялся в моих руках. Экстаз после боли – разве мог я противостоять этому колдовству?

Не знаю, избавит ли меня от страха наша взаимная перемена статуса, смена пейзажа, простирающегося за окном. Возможно, это и не убьёт росток противоречия.

Корень страдания – в моей природе.

Если именно наша природа – моя и его – так перекутила эти отношения... Возможно, нам придётся сражаться с ней и преодолеть.

Так, должно быть, выглядит ад: земля, изрыгающая сероводород, столбы пара, окрашенные цветом серы... Жалкая груда обломков – вот всё, что осталось от разрушенного бревенчатого особняка. Грязь продолжала шипеть и булькать, иногда вздуваясь большими цементного цвета пузырями. Очень сильно пахло серой – концентрация ядовитых газов в воздухе явно зашкаливала; если дышать полной грудью, недолго было отравиться.

Кайзаки Макото – впрочем, нет: теперь уже стоило бы назвать его именем человека, который управлял телом... Наоэ Нобцуна сверлил яростным взглядом Косаку Дандзё, стоявшего за стеной пара.

В последний раз эти двое оказывались лицом к лицу два года назад, на палубе корабля в заливе Хиросима. В результате последовавших боевых действий один из них, как считалось, был тяжело ранен и при смерти, а другой – погиб, и душа его очистилась.

Но душа Наоэ не очистилась, на страницах его личной истории ещё не стояла финальная точка.

Тогда в Хаги его спас Кэнсин – именно из рук Кэнсина получила душа Наоэ силу, достаточную, чтобы задержаться в нашем мире.

Но в теле Кайзаки не было этой души. Косака, благодаря своей феноменальной способности считывать ауру, заметил, что Наоэ управляет телом Кайзаки на расстоянии при помощи процесса, называемого ментальной сонастройкой – когда человек синхронизирует длину своих психических волн с удалённым объектом, получая над ним полную власть. Так происходит управление роботом: робот отправляет данные со своих сенсоров на контрольный пункт, а тот, кто сидит за пультом, принимает на основе этой информации решения и, в свою очередь, даёт команды двигательному механизму робота. Таким образом управляющий как бы сам становится роботом, только в данном случае вместо робота – живой человек.

Когда Такая управлял кэн-но гохододзи, и цуцугой в своё время, он прибегал к похожей технике, которая сама по себе была довольно сложна. С живым человеком в качестве объекта степень сложности повышалась в разы.

– Для начала позволь сказать тебе, что я впечатлён. Не по тебе, не по тебе эта способность. Откуда, интересно, сила взялась?

Наоэ – Кайзаки – злобно прищурился. Косаку это ничуть не смутило.

– Этот человек, кажется, потомок Сатоми? – сказал он с тонкой усмешкой. – Кайзаки, вроде бы, его зовут? Говорили, Ёситака в нём души не чаял. Мне казалось странным, что Сатоми, доставив нам сперва столько хлопот, потом так быстро и легко сдулись... Наконец-то всё понятно. В деле, оказывается, был замешан ты.

Наоэ сжал рот, в его взгляде прибавилось стали.

– Что здесь делает человек Такэда? – спросил он.

– В здешних краях водятся Сатоми из Авы. Почему бы здесь не водиться и Такэда из Кай?

– Не юли, отвечай прямо.

– Удивительные вещи происходят с кланом Уэсуги. Кагэтора-доно подменил своего ближайшего соратника на протяжении многих лет совершенно другим человеком. Наоэ-доно, взяв себе чужое имя и чужое тело, разгуливает инкогнито в компании бывшего нокизару, которого считали пропавшим без вести. Какую такую проказу замышляет господин первый советник в тайне от своего хозяина?

– Тебя не касается.

– Хм, понятно. Выходит, не один Иробэ примкнул к Кэнсину. Кто бы мог подумать, в самом деле... И вот что любопытно: сказанное мной Кагэторе с определённым умыслом перестало быть выдумкой.

– Выдумкой?... – В голосе Наоэ прорезался гнев. – Мерзавец, что ты ему наговорил?!

– Ничего особенного. Я всего лишь оказался первым, от кого он услышал правду: о том, что ты покинул его и, перейдя под прямое руководство Кэнсина, распоряжаешься Белыми Девами.

Лицо Наоэ застыло. Косака рассмеялся.

– Сведения доходят до нас, своим чередом. Некто, втайне отдающий приказы Белым Девам по всей стране, решил помочь Отомо завоевать Кюсю, разделавшись с Рюдзодзи Таканобу. Нам давно известно, что Рюдзодзи убили вы, Уэсуги.

«Так вот кто уничтожил Белых Дев!..»

Наоэ нахмурился. Противнику было известно больше, чем он предполагал.

Такэда и Фума изначально не доверяли Кэнсину – очевидно, потому и заметили неладное прежде, чем это смогли сделать Кагэтора и его товарищи. Увидев, что Белые Девы ведут себя странно, они догадались о существовании другой, независимой от Кагэторы цепочки командования.

Вместо того, чтобы опровергнуть или подтвердить сказанное Косакой, Наоэ спросил:

– Где он?

В голосе чувствовалась угроза.

– Я слышал энергетическую вибрацию кидзи – это был Киёмаса, не иначе. Где Кагэтора-сама? Я знаю, что его держали здесь. Где он сейчас?

– Ты его ищешь? Неужели. – Косака с усмешкой прищурился. – Интересно, зачем? Вы тут прячетесь, рыскаете по закоулкам, а потом заявляете его спасать? Как любезно с вашей стороны. Разве не Кагэкацу вы решили сделать новым командиром? Как в былые времена?

Скулы Наоэ слегка затвердели. Косака, заметив это, усмехнулся.

– Конечно, от Кагэкацу в Нарите Юзуру не осталось ни характера, ни памяти – всё очистилось. Вам нужно оружие, а не Кагэкацу. Впрочем, для Кэнсина и Кагэтора, и Кагэкацу, и вы все – не более, чем инструменты. Справедливость, миропорядок... Пустые слова, сказанные с благочестивым видом. Полагаю, на самом деле он просто хочет держать под своей божественной пятой весь этот мир.

– Князь Кэнсин вовсе не таков!

Раздавшийся внезапно запальчивый голос принадлежал Хаккаю.

– И вовсе это не пустые слова! Кому, как не князю Кэнсину знать о том, что есть истинная справедливость и истинный миропорядок? Именно его благородным идеалам и должны подчиниться все генералы в Усобице Духов!

– Вот правда и вышла на свет, – хмыкнул Косака. – Спросите любого вассала любого из домов – он вам скажет то же самое. Мой господин самый достойный. И завоеватели, и религиозные – все твердят одно и то же: мы правы, истина на нашей стороне, поэтому подчиняйтесь. Точь-в-точь твои слова. Склонитесь, мол, все перед

олицетворением справедливости... Таковы, стало быть, аргументы Кэнсина? Очень интересно. Счастлив был услышать, запомню.

– Ты!.. Да как ты смеешь!..

– Немудрено, что Кагэтора-доно стал неугоден. Он проникательный человек, быстро смекнёт, кто здесь настоящий злодей. К тому же, он из Ходзё, а господин Удзиясу, я слышал, в добром здравии. Нет никакой гарантии, что Кагэтора-доно останется верен Кэнсину до конца.

Косака окинул Наоэ пристальным взглядом.

– И вот скажи мне, Наоэ-доно... За какой такой надобностью ты, опустившийся до ползанья на брюхе перед Кэнсином, ищешь теперь Кагэтору?

Наоэ вздёрнул подбородок, а Хаккай выкрикнул у него из-за плеча:

– Чтобы вы, подлые Такэда и Ходзё, не воспользовались его силой в неблагоприятных целях! Прочь с дороги!

– Вот оно, в чём дело. Стало быть, ты пришёл убить Кагэтору, чтобы он не достался врагам?

Услышав это, Хаккай вздрогнул от неожиданности и быстро заглянул Наоэ в лицо. Тот сверлил Косаку взглядом.

– Ну, что ты так на меня смотришь – скажи что-нибудь, – продолжал Косака. – Ведь это же немыслимо, чтобы Кэнсин предоставил такого опасного человека самому себе. Если он перестал быть нужен – значит, от него следует избавиться. Разве я не прав?

– Не может быть... – пробормотал Хаккай с сомнением, а потом спросил: – Наоэ-сама, неужели это правда?.. Вы в самом деле собираетесь...

Не дав подчинённому договорить, Наоэ обратился к Косаке низким голосом:

– У меня нет времени на длинные беседы. Если собираешься мне мешать – я прибегну к силе.

– Как будто я не знаю, что у тебя на уме, – холодно бросил Косака. – Кагэтора над тобой четырёхста лет издевался, и тебе это в конце концов надоело. Поэтому ты кинулся к Кэнсину, радостно виляя хвостом, стоило ему только поманить пальцем. И что, теперь пришёл твой черёд издеваться? Собираешься отомстить? Или ты хочешь поставить его на колени и использовать, как собаку?

– Конечно, – продолжал Косака после паузы, – ведь ты горел к нему страстью. Стоит Кагэторе смириться с поражением, и ты надеешься сделать с ним то, что разбойник делает с пойманной женщиной? Знаешь, как говорят: лисица храбрится из-за спины тигра. Ты даже не лисица. Ты – шелудивый пёс, который твякает из-за спины Кэнсина. Позор на твою голову, Наоэ Нобуцуна!

Раздался глухой царапающий звук, и по щеке Косаки пробежала тонкая кровавая линия. Наоэ стоял со сжатыми кулаками, подрагивавшими от неприкрытого гнева.

– Какая реакция... – Косака наградил его презрительной улыбкой и указательным пальцем вытер кровь с лица, где его коснулась силовая волна.

– Ты слишком много болтаешь, – сказал Наоэ сквозь зубы. – И мне, я повторяю, некогда здесь прохладиться. Что вы собирались делать с ним? Его ведь спасли верующие Химука? Какая между вами и ними связь?

Косака хмыкнул.

– Твой гнев лишь подтверждает мою правоту. Последователи Химука в союзе с нами. Они решили помочь нам выгнать Оду и Отомо прочь с этого острова.

– Что?..

– Кагэтора-доно дал слово по всем правилам, что снова принимает имя Ходзё Сабуро.

Наоэ вздрогнул.

– Я сказал ему, что Наоэ Нобуцуна сдал его нам в обмен на свою жизнь. Кагэтора-доно очень быстро мне поверил – у него с тем Наоэ, который Фума, всё сильно не ладилось. Он воспылил ненавистью к тебе и к Кэнсину и поклялся сражаться с вами на нашей стороне. Он сказал, что больше никогда не вернётся к Уэсуги.

– Ты не врешь? Это правда?

– Кагэтора-доно – наш союзник. Если ты пришёл убить его, я должен помешать тебе во что бы то ни стало.

Вокруг Косаки начала медленно разгораться боевая аура. Его губы, будто очерченные взмахом кисти, неприязненно изогнулись.

– Я сожалею, но вам придётся здесь умереть.

Внезапно из-под земли, совсем рядом, вырвалась струя пара, и с грохотом взметнулись к небу грязевые гейзеры, огораживая Наоэ и его спутника кольцом. В лицо пахло сероводородом, перед глазами всё затянулось горячей белой пеленой, обжигающей горло, лишаящей возможности дышать. Жидкая грязь полилась на обломки бревенчатого особняка, снова занявшиеся пламенем, и даже быстро поставленная, изо всех сил удерживаемая защита трещала под натиском этого извержения. К тому же, Косака засыпал их сверху градом энергетических ударов.

– Ну что, готов к смерти, «Кайзаки Макото»?

Атака была беспощадной. Машина, на которой они приехали, взорвалась: в неё попал энергетический снаряд. Газ извергался из земли, не переставая – а Косака, очевидно, ещё до их прихода поставил вокруг себя барьер, потому что на него это не действовало совершенно, он просто продолжал атаковать. Защита не выдерживала, приходилось пригибаться, но Наоэ не мог позволить себе проигрывать.

Его крик перекрыл шум извержения. Земля вздрогнула, выплюнув сгусток жидкой грязи, который полетел в Косаку, рисуя в воздухе причудливую дугу. За одним

грязевым шаром последовал другой – Наоэ бил без передышки, но Косака успешно отбивался, и шары лопались в воздухе, рассыпая вокруг фонтаны брызг.

– Проклятье! – воскликнул Хаккай сквозь шум, сопровождавший эту яростную схватку. – Я задержу его!.. Идите, разыщите господина Кагэтору!..

– Это неудачный противник, тебе с ним не справиться!

– Я пришёл сюда не с пустыми руками! Я вас прикрою, как только появится возможность – бегите!

В следующий миг он вскрикнул, потому что острая энергетическая стрела полоснула его по плечу, разорвав пиджак и забрызгав всё кровью.

– Хаккай!

– Всё в порядке! Не беспокойтесь обо мне! Ну же!

Сосредоточившись, Наоэ усилил ментальный щит, как только мог, и тот раздулся, словно пытаясь оттолкнуть прочь серные испарения. Тем временем Хаккай достал из кармана металлический кругляш – сплюснутый конус, похожий на волчок бэйгома¹ – и, прочитав мантру «Наумакусанманда баябэй совака», подбросил его высоко над головой.

Мантра взывала к Футэну². Кругляш завертелся в воздухе с невероятной скоростью, подняв вокруг себя ветер, подхвативший облако ядовитых газов и швырнувший их напрямик в Косаку.

– Кх...

Когда Косака пошатнулся под напором яростного ветра, Наоэ бегом бросился в сторону леса.

– Нет, так просто ты от меня не уйдёшь!

Что-то чёрное и тягучее вырвалось из ладони Косаки, настигло Наоэ и обвилось вокруг его шеи, как резинка.

Наоэ сдавленно вскрикнул. Его душила бесплотная тень: энергетическая нить, называемая Тёмной Цепью. В руках сотворившего её Цепь была подобна материи – вот и сейчас Косака, держась за один конец, душил Наоэ, словно пойманную в силос добычу.

– С удовольствием сломаю шею этой кукле!

– Наоэ-сама!

Металлический кругляш взвизгнул, разгоняясь, и метнулся в пространство между Наоэ и Косакой, разорвав связывающую их нить. Инерция отбросила Косаку назад, и Хаккай не преминул воспользоваться моментом.

– Он агьянауэй совака!

¹ Традиционная детская игрушка в форме волчка.

² Бог ветра.

Повинуясь мантре Катэна³, кругляш вспыхнул огнём и метнулся к Косаке; пространство вздрогнуло от невидимого взрыва, когда барьер над ним разлетелся на куски.

– Ах ты дрянь!..

– Наоэ-сама, предоставьте его мне! Скорее же, ищите господина Кагэтору!

– Рассчитываю на тебя, – сказал Наоэ и, следуя за Водным Змеем, скрылся под сводами леса.

Косака бросился было за ним, но его остановила яростная атака Хаккая. Странно, как может простой нокизару диктовать в бою свои условия перерождённому? Очевидно, что сила Хаккая каким-то образом возросла.

– Чтоб вас черти съели, Уэсути!

Косака решил приняться за своего противника всерьёз, и Хаккаю пришлось пригнуться под натиском его контратаки.

«Наоэ-сама... – думал разведчик, призывая к себе всю силу, какую только мог собрать. – Если вы так решили, мне остаётся лишь повиноваться...»

Потом под сводами леса пронёсся его боевой клич, взревело пламя, и столбы пара ещё выше взметнулись к небесам.

Фума-но Котаро был окружён.

Воины в доспехах, выступившие из мрака подобно призрачным огням, обступили его со всех сторон, сжимая в руках мечи – и откуда их столько взялось? Должно быть, сидели в одной из крепостей рядом с замком Такамори, подумал Котаро. Акэти Мицухидэ и его союзники догадались о том, что он собирается предпринять.

– Прошу проследовать со мной обратно, Котаро-доно, – сказал Симадзу Тоёхиса низким голосом. – Если вы это сделаете, Акэти-доно не станет ни в чём вас упрекать. Там вам доверяют. Просят скорее успокоиться, признать свою ошибку, и вернуться.

Во взгляде Котаро не убавилось враждебности.

– Мне не хочется скрещивать мечи с союзником. О вас отзывались, как о рассудительном человеке. Давайте же вернёмся вместе к Акэти-доно.

– А если я откажусь?

– Тогда я остановлю вас силой, – сказал Тоёхиса, плавным движением вынимая из ножен катану. – По приказу Акэти-доно я убью ваше нынешнее тело.

Котаро выпрямился.

«Они хотят убить меня?»

³ Бог огня.

Разумеется, такого поворота событий можно было ожидать. Самый быстрый способ подтвердить, что «Наоэ предал Кагэтору» – это избавиться от вместилища, которое Кагэтора принимает за Наоэ. Если тело Котаро исчезнет, Наоэ, можно сказать, перестанет существовать. Такае придётся поверить в его предательство.

Мицухидэ и его союзникам в борьбе против Оды во что бы то ни стало нужно было перетянуть Кагэтору на свою сторону, ибо он единственный обладал достаточной силой, чтобы на равных сражаться с Нобунагой. Именно поэтому его так настойчиво подталкивали к возвращению под знамёна Ходзё. Если же на поле боя придётся иметь дело ещё и с Кэнсином – то Кагэтора необходим вдвойне. Мицухидэ хотел завлечь его под своё крыло, и нашёл для этого подходящий способ. Поэтому Котаро нельзя было идти на помощь Такае – точнее, он был волен к нему пойти, но только не в качестве Наоэ.

– Убить тело... То есть, позволить ему умереть... – пробормотал Котаро, побледнев.
– Нет... я не могу допустить этого...

– Что?..

– Мне нельзя менять облик... Это лицо – лицо Наоэ. Если я буду выглядеть иначе, он перестанет принимать меня за него...

Тоёхиса удивлённо распахнул глаза. Котаро продолжал, приложив ладонь к лицу:

– Это лицо – залог того, что Сабуро-доно... нет, Кагэтора-сама... меня признаёт. Любое другое он отвергнет. Если лицо изменится – он отвергнет меня!..

– О чём вы говорите? Именно потому, что это «Наоэ», вместилище и нужно сменить!

– Именно потому, что это «Наоэ», я не допущу предательства!

Они словно говорили на разных языках.

– Это тело – единственное в своём роде! – воскликнул Котаро, потеряв выдержку.

– Нельзя, ни в коем случае нельзя его менять!

Тоёхиса слушал и не верил своим ушам. Котаро, для которого вместилище всегда было лишь орудием, вдруг привязался к телу – и, что ещё более важно, сделал это по причине, которая шла вразрез с его миссией.

«Отвергнет...»

Стоило этому слову сорваться с его губ, как холод пробрал Котаро, и все раны, нанесённые ему Такаей за два года, вскрылись одновременно.

– Но должно же оно быть – то, что ты обязан сказать, что ты обязан сейчас сделать!..

Когда его, взвинченного из-за бесплодных попыток разобраться, чего от него хотят, Такая припечатал тогда своим «не понимаю» – Котаро почудилось, будто ему отказали в самом праве называться человеком.

«Я что, какой-то бракованный?»

Слова Такаи можно было сравнить с затяжным дождём: каждый раз, когда он не признавал Котаро, тому в душу словно бы просачивалась вода, постепенно подтачивая основы его гордости и всего, на чём зиждился его мир, пока, наконец, этот несущий слой, окончательно размокнув, не обрушился вниз, и Котаро не обнаружил себя сметённым грязевой лавиной.

Когда он начал изображать Наоэ, Такая стал для Котаро судьёй, оценщиком того, насколько успешно он играет свою роль. Удовлетворить Такаю сделалось его первоочередной задачей, и в какой-то момент сам Такая превратился в закон, в мерило правильности.

И всё же поначалу отторжение со стороны Такаи не настолько тревожило его. Он думал, это лишь вопрос техники, однако отторжение накапливалось, и Котаро заразился вирусом сомнения.

Какой бы ответ он ни выдавал, Такая не принимал его. В конце концов компьютер сошёл с ума.

«Я где-то ошибся в расчётах?»

«Или сама формула была неверна?»

«Всё, на что я опирался в жизни, было неправильно?»

«Что, в таком случае, я из себя представлял до сих пор?»

«Что со мной не так?»

Это психологическое состояние было сродни той панике, какую испытывает актёр, когда его игра раз за разом не удовлетворяет режиссёра или продюсера. Котаро ненавидел Такаю за то, что тот его не принимает, но в какой-то момент начал сомневаться – в своих действиях, в своих способностях, а потом и в более глубоких вещах. Дошло до того, что он стал подвергать сомнению основы своего существования: свой характер и образ жизни.

Душевное истощение Такаи само по себе было для Котаро отрицанием на фундаментальном уровне. Он должен был стать тем Наоэ, в котором Такая нуждался. Если бы ему это удалось, если бы человек, являвшийся «мерилом правильности», признал его в качестве Наоэ – это подтвердило бы, что он живёт и действует, как надо.

«Так ли мне следует поступать?»

«Таким ли мне следует быть?»

– Я должен идти к нему...

Если он поступит иначе, он – не Наоэ. Ему скажут «нет» и пошлют прочь. Глядя на Котаро сейчас, можно было даже подумать, что он боится. Его брови напряжённо сдвинулись, в голосе слышалась мольба.

– Я должен объяснить, развеять это недоразумение. Я его не предавал. Я, Наоэ, никогда и никому его не продам, потому что он так хочет. Я – Наоэ, Наоэ – это я. Я не собираюсь признаваться в том, чего не делал.

– Котаро-доно, что вы такое говорите?

Котаро хотел стать Наоэ, но всё ещё не осознавал, что то, чего он хочет – это не воспроизвести Наоэ как такового, с его потаённой истиной. Котаро хотел воспроизвести Наоэ, которого, по его представлениям, Такая желал видеть перед собой.

– Уйди с дороги! – воскликнул он с печатью отчаяния на лице. – Прошу, не мешай мне, у меня нет времени! Он ждёт Наоэ, и я должен идти! Мне надо быть с ним, прямо сейчас, развеять недоразумение, объяснить, что я его не предавал, и сказать...

Котаро умолк на полуслове, болезненно нахмурившись.

«...сказать, что я здесь, рядом...»

И пусть то умиротворённое, спокойное выражение...

«...появится на его лице...»

Сердце Котаро вдруг сжалось, и он широко распахнул глаза.

В те моменты, когда Такая признавал его, он всегда говорил «Наоэ», и его лицо приобретало по-особому мягкое и бесхитростное выражение. При этом он мог криво улыбаться или, устало закрыв глаза, класть голову Котаро на плечо... Каждый раз, когда это происходило, в душе Котаро подобно чистой родниковой воде поднималось необычное чувство.

Видя, как Такая расслабляется, принимая его, Котаро чувствовал себя наполненным.

«Хочу увидеть это снова...»

Мысль пришла сама собой, поставив Котаро перед необходимостью признать: в его душе существовало определённое желание. Он медленно, почти испуганно вытянул перед собой руки и уставился на них.

«Я... хочу?...»

Само слово «Наоэ», произносимое, когда Такая пребывал в мире и покое, стало для Котаро символом одобрения. Слыша его, он чувствовал себя принятым и прощённым. Имя «Наоэ» стало благословением.

«Я снова хочу ощутить это?...»

И ещё одна мысль посетила Котаро – вместе с душевным порывом, превращавшим машинное масло внутри механической куклы в живую кровь.

«Мне дорог этот человек...»

Это было то самое, чего ему не хватало, чтобы понять Наоэ. Что ему было нужно, чтобы разделить чувства Удзитэру... И то, без чего невозможно было прикоснуться к сердцу Кагэторы.

«Сабуро-доно...»

То, что испытывал сейчас Котаро, что заполнило всё его существо, переливаясь через край, нельзя уже было назвать почтительным уважением. Котаро стиснул руки

в кулаки, медленно и сильно – словно сжимая в руках это чувство, чтобы больше никогда, никогда его не потерять.

«Что с ним происходит?..» – думал Тоёхиса, глядя на стоявшего перед ним человека, как на диковинку. Решение уже оформилось в его голове, но он ещё раз спросил:

– Вы что же, не вняли моим предупреждениям?

Опомнившись, Котаро увидел, как обступившие его призраки, повинаясь знаку Тоёхисы, один за другим обнажили мечи. Их предводитель тоже поднял меч, нацелив кончик сияющего лезвия прямо Котаро в лоб.

– Спрашиваю в последний раз. Это и есть ваш ответ? Потом не пожалеете?

Клинок, словно зеркало, отразил вызывающий взгляд Котаро.

– Тогда я убью вас безо всяких колебаний.

Котаро яростно сверкнул глазами и шевельнул пальцами. Мечи в руках призрачных воинов, налившись энергией, обволоклись голубым огнём – и в тот же миг Тоёхиса с пронзительным кличем сорвался с места.

– Често!

Кристалл в руках Котаро (из прозрачных глубин камня всплыл на поверхность иероглиф «меч») выбросил в воздух столб ослепительного света – и клинок Тоёхисы на своём стремительном пути вниз со скрежетом встретил препятствие. Безоружный секунду назад Котаро блокировал его в сантиметрах от тела появившимся откуда ни возьмись кинжалом – этот священный короткий меч, передававшийся у вождей Фума из поколения в поколение, носил имя Рандзанмару.

Наполненные энергией клинки столкнулись и отскочили друг от друга в вихре искр. Котаро пошатнулся, потеряв равновесие, и на него тут же набросились призрачные воины, их мечи – бесчисленные вспышки в темноте.

«Я не позволю им себя убить!»

Котаро полностью отдался во власть звериных инстинктов. Увернувшись от летящего на него меча, он сам бросился в атаку, и противник, вскрикнув, рухнул на землю с пробитой головой. Котаро продолжал орудовать кинжалом, который удобно и привычно лежал в его руке, будто живой вибрируя от напряжения. Он полосовал туловища, словно рубил бамбук. Боевой клич призрачных воинов гремел под сводами леса, и Котаро, не уступая им, кричал:

– А-а-а-а-а!!!

Схватка стала беспорядочной. Кинжал Котаро, его единственное оружие, сражал врагов одного за другим. Синоби двигался с присущей всем Фума точностью, в движениях его руки не было ничего лишнего, и призрачные воины неизменно падали, словно сами шли на убой. Но конца этому не было видно. Сколько бы Котаро ни рубил, количество врагов не уменьшалось. Их просто было слишком много.

Тут в бой с криком «Често!» снова кинулся Тоёхиса. Воздух засвистел. Котаро рефлекторно закрылся, но немного опоздал, и из его рассечённой щеки брызнула кровь. Скорость этого рубящего удара была невероятной, недаром он назывался дото-но утиороси⁴. Противника сначала запугивали боевым кличем, и, если он оказывался недостаточно проворным, чтобы уклониться или парировать – рассекали надвое.

«Проклятье!..»

Котаро снова встал в боевую стойку. Тоёхиса и его люди сражались в стиле Тайся-рю, где в каждый удар вкладывают всю душу. Перед таким ударом не устоит и железо.

Ранение не замедлило движений Котаро. Воины Симадзу атаковали очень напористо – даром, что были призраками; их крики разносились по округе. Котаро сосредоточился и заставил себя реагировать ещё быстрее, полностью слившись со своим клинком.

«Я не могу здесь умереть!»

Угнездившаяся в сердце мысль завладела им без остатка.

– Я не могу позволить себе здесь умереть!

Это был яростный, смертельный бой. Котаро сражался уже за пределами человеческих возможностей – и против кого: воинов клана Симадзу, в век Усобиц не знавших себе равных. Став призраками, они не потеряли в силе. Получив приказ, они по-прежнему готовы были биться до конца, как боевые псы – пока противник не превратится в гору мяса.

– Вперёд! Вперёд-ё-ёд! – громогласно ревел Тоёхиса.

Как на зло, все они владели Тайся-рю. Величайшим позором для сацумца считалось струсить. Сам Тоёхиса при Сэкигахаре, когда нужно было спасти главнокомандующего, Симадзу Ёсихиро, буквально разменял свою жизнь, сошёл в могилу в обнимку с врагами.

С характерным звуком лезвие вошло в плоть, разорванный рукав обвис у плеча, кровь залила Котаро всю спину – но он не выпустил из рук кинжал. Он всё так же рубился с призраками, которые всё так же нападали с головокружительной скоростью.

«Я должен дойти в этом теле...»

Глаза Котаро налились кровью, он двигался на одних звериных боевых рефлексах.

– Почему ты не идёшь ко мне на помощь?

За собственным хриплым дыханием ему слышался голос Кагэторы.

– Значит, тебе это оказалось не под силу.

– Значит, ты так ничего и не понял.

«Сабуро-доно!..»

– Често-о-о!

⁴ Можно примерно перевести как «натиск шквальной волны».

Клинки вновь столкнулись, заискрили и переплелись: Тоёхиса надавил, упираясь гардой меча – Котаро, отчаянным усилием, отбросил. Вражеские лезвия достали его уже много раз, обычный человек давно бы свалился, но Котаро всё ещё держался на ногах. Обмотав кровавую рукоять кинжала обрывком одежды, чтобы не скользила, он усилием воли пытался заставить работать туманящийся от кровопотери мозг.

Но враги были безжалостны к нему. То, что противник истекает кровью, ничуть не ослабило их натиск. Просветов между ударами не было. Убийственная скорость атаки наталкивалась на невероятную скорость реакции. Котаро отражал удары призрачных воинов, пока в схватку снова не вклинился Тоёхиса.

– Умри!

У Котаро словно что-то вспыхнуло в мозгу, и он взревел во всю силу своих лёгких:

– А-а-а-а-а-а!!!

За глухим звуком рассекаемой плоти последовал фонтан кровавых брызг, и правая рука Котаро с зажатым в ней кинжалом упала на землю, отрубленная у запястья. Котаро распахнул глаза, обернулся. Тоёхиса, лишившийся одного глаза, вновь замахивался на него мечом.

– Че-е-е-сто-о-о!

Котаро бросился на землю. Схватил свою отрубленную руку, всё ещё сжимавшую кинжал, метнулся Тоёхисе под ноги и вонзил лезвие ему в пятку.

– К-ха!..

Тоёхиса начал заваливаться, лишившись опоры. Котаро тут же кинулся на него, оседлал, приставил кинжал к горлу – и по округе пронёсся пронзительный предсмертный крик. Увернувшись от хлынувшей крови, Котаро тут же перекатился и, высвободив кинжал из мёртвой руки, встретил новый натиск призрачных воинов. Но он уже плохо видел от потери крови. И не привык сражаться левой.

«Я не умру здесь. Ни за что!»

Это было единственное, что двигало им сейчас, единственное, на чём он держался.

Собрав последние силы, он закричал:

– Ни за что я здесь не умру!!!